

УДК 81'373: 070

Doi 10.26456/vtfilol/2025.4.238

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Ли Шуай

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва

Настоящее исследование посвящено анализу когнитивных механизмов семантических трансформаций русских фразеологических единиц на материале художественных и медийных текстов. В рамках исследования выделены такие механизмы, как профилирование, фокусирующееся на частичном признаке компонента фразеосочетания, концептуальная метафора, концептуальная метонимия, а также концептуальная интеграция, лежащая в основе двойной актуализации. Доказано, что семантические трансформации фразеологических единиц представляют собой реконфигурацию концептуальных структур, а не поверхностное варьирование.

Ключевые слова: *семантическая трансформация, фразеологизм, когнитивные механизмы, профилирование, буквализация, концептуальная метонимия, двойная актуализация, концептуальная интеграция.*

Динамичность языка как фундаментальное свойство живой речи находит яркое воплощение в процессах семантической трансформации фразеологических единиц (ФЕ). Данные процессы, подразумевающие переосмысление устойчивых сочетаний и порождение новых смысловых оттенков, выступают мощным индикатором креативного потенциала языка на фразеологическом уровне [6: 90]. Разнообразные структурно-семантические модификации ФЕ широко представлены не только в литературном и публицистическом дискурсе, но и в ряде субкультур [13].

Как отмечает В.А. Маслова, «современная лингвистика призвана раскрывать механизмы порождения глубинных смыслов, однако достичь этой цели невозможно без привлечения знаний из смежных областей» [10: 185]. Существующие многоаспектные исследования фразеологических преобразований, безусловно, ценны. Однако в них, как правило, недостаточно эксплицируются глубинные когнитивные механизмы, в частности те, что играют решающую роль в специфических типах семантических трансформаций.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании ключевых когнитивных механизмов, детерминирующих семантические трансформации ФЕ, а также в анализе того, как эти когнитивные операции, опосредованные взаимодействием концептуальных сфер, способствуют модификации ФЕ: наделению их новыми смысловыми оттенками и усилению экспрессивного потенциала.

Как отмечают исследователи, «современные медиаресурсы характеризуются существенным обновлением фразеологического фонда языка СМИ» [9: 41], что делает медиадискурс особенно продуктивной сферой для наблюдения процессов фразеологической динамики.

Трансформация ФЕ понимается как изменение их формального или семантического плана в конкретном контексте [5: 123], направленное на более точное соответствие описываемой ситуации [4: 68]. А.И. Молотков выделяет три основных фактора: 1) индивидуально-авторское преобразование фразеологизмов в тех или иных целях; 2) недостаточное знание отдельными носителями языка норм; 3) подвижность самих языковых норм [14: 93]. Действительно, для удовлетворения разнообразных экспрессивных потребностей ФЕ в речевой практике претерпевают все более частые индивидуальные преобразования [22: 149].

Исследование фразеологических трансформаций в науке характеризуется многоплановостью: историко-этимологическое направление преимущественно изучает диахронические изменения компонентного состава ФЕ. Исследование окказиональных трансформаций (случайных, индивидуальных) сосредоточено на индивидуальных приемах и технике использования ФЕ в художественных и публицистических текстах [1, 11, 22 и др.]. В рамках этого подхода фразеологическая трансформация часто рассматривается как важное средство создания комического эффекта и языковой игры [15, 17, 18 и др.]. Кроме того, исследования затрагивают прагматическое значение, передаваемое через трансформацию [20], а также специфические проблемы, возникающие при переводе художественных произведений, содержащих преобразованные ФЕ [15, 16, 21 и др.]. Важно подчеркнуть, что Н.А. Каленова дает дальнейшую интерпретацию сущности этого явления с когнитивных позиций: «Использование трансформаций ФЕ обусловлено стремлением “подогнать” когнитивно-семантическую структуру имеющейся в языке единицы под ту когнитивную структуру, которая подлежит объективации» [5: 90].

В когнитивной лингвистике концепт как минимальная единица знания занимает центральное положение, а процесс концептуализации признается ведущими когнитологами (Дж. Лакофф, Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев и др.) ключевой категорией данной дисциплины. Концептуальная метафора как механизм порождения значения реализуется через мэппинг характеристик из исходной концептуальной сферы (сферы-источника) в целевую сферу (сферу-мишень) по модели *источник* → *мишень*, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [7]. ФЕ, образованные на метафорической основе, могут опираться либо на объективные (дескриптивные) признаки, выводимые из сенсорного опыта или косвенного наблюдения, либо на субъективные (ассоциативные, оценочные) характеристики. Устанавливаемые при этом

концептуальные связи облают логической обоснованностью и отражают реальное сходство объектов [3: 930]. Концептуальная метонимия функционирует в пределах единой концептуальной сферы, где одна сущность служит для референции к ассоциативно связанным с ней сущностям [7: 61–67], реализуя преимущественно когнитивные модели *часть – целое* или *целое – часть*, тогда как более сложный механизм концептуальной метафтонимии предполагает синтез метафорических и метонимических моделей в рамках единого когнитивного акта.

Исходя из данной теоретической парадигмы, настоящее исследование отстаивает позицию о необходимости системной когнитивной интерпретации семантических трансформаций фразеологизмов. В фокусе анализа находятся: 1) роль динамического взаимодействия концептуальных сфер в модификации узуального значения ФЕ; 2) влияние когнитивных операций на генерацию новых смысловых нюансов и экспрессивных эффектов.

Согласно когнитивно-лингвистической концепции Дж. Тейлора, профилирование влечет за собой структурирование концептуальной области посредством определенных образных схем или моделей [19: 85]. Этот механизм позволяет нам в конкретной ситуации фокусироваться и выдвигать на передний план (профилировать) наиболее релевантные признаки некоторой концептуальной сферы для интерпретации или репрезентации другой сферы.

Наименования частей тела (такие как «рука», «глаз» и т.д.) в языке сами по себе обладают богатой концептуальной структурой (базой), включающей различные признаки и потенциальные образные модели. Когда эти слова используются для обозначения или описания лиц с соответствующими физическими ограничениями (например, «одноногий», «одноглазый»), происходит семантическая трансформация. Ключевым когнитивным механизмом этой трансформации является именно профилирование: говорящий / автор избирательно профилирует специфический признак отсутствия или аномалии части тела, делая его фокусным (профилем) для осмысления состояния данного лица. В этот момент наименование части тела отходит от своего стандартного профиля (буквального значения, обозначающего конкретный орган, или узуального метафорического значения) в рамках своей концептуальной базы и обретает новый профиль, непосредственно репрезентирующий или подчеркивающий сам факт инвалидности через выбранный признак. Этот профилируемый признак (отсутствие / аномалия) обычно не является центральным или настолько значимым в стандартном профиле слова, обозначающего часть тела, или в узуальной семантике фразеологизма, в который оно может входить.

Характерная иллюстрация этого процесса представлена в описании В. Инбер в повести «Место под солнцем»: *«В руках товарища Шуляка, вернее в его единственной руке, было сосредоточено*

снабжение продовольствием общественных столовых». В данном примере существительное «рука» подвергается интенсивному профилированию через определение «единственной». Автор сознательно профилирует физиологический факт «наличия только одной руки» (признак отсутствия / единственности), делая этот признак фокусным (профилем) для понимания образа персонажа и его ситуации. Такое профилирование не только наглядно раскрывает физический недостаток персонажа, но и глубоко влияет на понимание читателем его способностей и ответственности в конкретном контексте (снабжение продовольствием). Нейтральное в иных контекстах слово «рука» здесь, благодаря профилированию признака отсутствия, приобретает значительную эмоциональную напряженность и экспрессивность – оно имплицитно указывает на стойкость персонажа в преодолении физических ограничений и высокое чувство ответственности, а также может содержать элемент гиперболизации.

Согласно А.Н. Баранову и Д.О. Добровольскому, «образная мотивация большинства идиом основана не на конкретных визуальных представлениях, спровоцированных буквальным прочтением соответствующей идиомы, а на достаточно абстрактных способах интерпретации одних сущностей в терминах других, то есть на метафорах» [2: 102]. Экспрессивное значение фразеологизма формируется в процессе взаимодействия различных концептуальных сфер (доменов), что согласуется с пониманием концептуальной метафоры как механизма, позволяющего представить абстрактную сферу через ее сопоставление с другой, как правило, более конкретной и доступной чувственному восприятию сферой [8: 68]. При этом в реальной языковой практике можно наблюдать случаи, когда авторы сознательно отходят от этой метафорической траектории интерпретации. Вместо опоры на устоявшееся идиоматическое значение, сформированное через абстрактный метафорический перенос, они осуществляют «буквализацию» ФЕ (или его буквальное прочтение). Данный процесс представлен в следующем примере.

Но собаки беспомощно виляли хвостами, солдаты цепью топтали папоротники, кричали командирскими голосами, а Евгения Евгеньевича след простыл. – Слыханное ли дело заблудиться в трех соснах! – кипятились командиры. – Да он давно выбрался из этого пятачка и пьет чай с лимоном в гостях у какой-нибудь кумушки! (Ю. Снегирёв, А. Мешков. Тайна «Чертова оврага»). В этом примере фразеологизм «заблудиться в трех соснах» используется для обозначения сильного замешательства или растерянности. Однако компонент «сосны» приобретает свое основное лексическое значение, обозначая настоящие деревья – метафорическое значение фразеологизма было «буквализовано», что восстанавливает исходный, чувственно воспринимаемый контекст. Аналогичный процесс буквализации

значения ФЕ представлен в заголовке «Достоевскому **утерли нос**» (Коммерсантъ. 2003. № 71) к статье, которая посвящена уборке достопримечательностей.

Этот процесс можно рассматривать как «реактивацию» исходной буквальная семантики и связанной с ней образной основы (источник метафорического домена). Иными словами, происходит смещение фокуса: акцент переносится с целевого домена (абстрактной области, обычно обозначаемой фразеологизмом) на исходный домен – ту конкретную, воспринимаемую ситуацию или образ, который изначально послужил основой для формирования метафоры.

Концептуальная метонимия функционирует как глубинный когнитивный механизм, детерминирующий замену компонентов фразеологических единиц. Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, метонимия представляет собой «механизм концептуальной субституции в рамках единой идеализированной когнитивной модели (ИКМ), осуществляющий референциальный сдвиг по принципу *часть – целое* или *целое – часть*» [8], что обеспечивает лексическое варьирование при семантической инвариантности в грамматических трансформациях. Иллюстрацией служит замена компонента *Бог* → *черт* / *Аллах* / *дьявол* вариантах ФЕ «одному Богу известно», ср.: (1) *На российских машинах вообще надо ездить осторожно: **одному черту известно**, что выйдет из строя в следующую минуту* (В. Хлыстун. Лобовой удар). (2) *И тогда наши потихоньку вернулись обратно, и как они тогда выжили, только **одному Аллаху известно*** (М. Валеев. Мамины записки).

Несмотря на антонимическую оппозицию лексем «черт» и «Бог» в религиозном семантическом поле, в когнитивной рамке данной ФЕ оба концепта маппируются на единую роль «сверхъестественного контролера знания»: метонимическая операция нейтрализует смысловую оппозицию, активируя функциональную общность «сферы непознаваемого для человека». Данная замена материализует модель *контролирующий* → *контролируемое знание*, где *целое* (инвариантный домен «контролер знания») допускает референциальную субституцию через «целое для части» (Бог / черт / Аллах / дьявол как *часть*), а стабильность структуры одному [X] известно подтверждает концептуальную природу трансформации – фиксированный синтаксис выступает грамматическим соединением домена-целого (*целое*), сохраняя ядерную семантику «непознаваемость». Таким образом, замена компонентов есть языковая проекция концептуальной метонимии: при принадлежности субститутов единой концептуальной сфере и наличии общей функциональной доминанты, грамматическая стабильность поддерживается внутримодельным характером метонимии, формируя критерий разграничения формального варьирования и когнитивно мотивированной трансформации.

Двойная актуализация как один из распространенных способов семантической трансформации ФЕ представляет собой процесс одновременной активации образной основы и фразеологического значения, что осуществляется через интеграцию уровней концептуальной метафоры для достижения семантического увеличения. Как отмечают А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, данный феномен есть «совмещение фразеологического значения оборота и его образной основы и / или внутренней формы» [11], реализуемое через развернутую контекстуальную метафору, подчиненную образной семантике фразеологизма [12: 162], что является контекстуальной инстанциацией концептуальной метафоры. В трансформации ФЕ «первый блин комом» – *«Говорят, первый блин комом, а у меня все сто блинов были комом»* (К. Петров., А. Семенович. С блинами у меня не заладилось) – буквализация ревитализует исходный образ «пригоревшего блина» (*блин комом*), иницируя метафорическое расширение: количественная гипербола (*первый* → *все сто*) интенсифицирует семантику (*единичный провал* → *тотальный крах*), а интеграция концептов проявляется в симбиозе инварианта верхнего уровня «неудачный блин = жизненная неудача» и контекстуального варианта «сотня испорченных блинов → перманентный кризис», причем расширение строго детерминировано исходной когнитивной рамкой «жизнь как кулинарный процесс», подтверждая принцип А.Ю. Моклаковой [12]. Когнитивно это результат обратного мэппинга «*мишень* → *источник*»: реанкорирование абстрактной сферы-мишени (жизненные трудности) в конкретную сферу-источник (приготовление блинов) через амплификацию деталей источника (квантитативную, градуальную) усиливает экспрессию, а инвариантность структуры [X] доказывает доминирование концептуального уровня над языковой репрезентацией.

Таким образом, динамическая природа ФЕ коренится в креативной синергии когнитивных операций при интеракции концептуальных сфер, где взаимодействие профилирования, концептуальной метафоры, концептуальной метонимии и концептуальной интеграции детерминирует механизмы семантических трансформаций – замену компонентов, буквализацию и двойную актуализацию. Это позволяет реализовать специфические коммуникативные интенции автора и наделить трансформированные варианты ФЕ инновационной функциональностью в контексте.

Список литературы

1. Бакина М.А. Общеязыковая фразеология как выразительное средство современной поэзии // Некрасова Е.А., Бакина М.А. Языковые процессы в современной русской поэзии. М.: Наука, 1982. 312 с.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.

3. Болдырев Н.Н., Беляева И.В. Когнитивные механизмы формирования интерпретирующих значений фразеологизмов с позиций бесконфликтного общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. № 4. С. 925–936.
4. Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц в публицистическом дискурсе: объективная закономерность // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 67–71.
5. Ефанова Л.Г. Фразеологические трансформации в речи и тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 3. С. 123–127.
6. Каленова Н.А. Когнитивные механизмы семантических трансформаций фразеологических единиц (на материале эпистолярия) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 6. С. 90–95.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 252 с.
8. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago and London: University of Chicago Press, 1987. 614 p.
9. Ли Ш., Мочалова Т.И. Особенности функционирования фразеологических единиц в современном политическом медиатексте // Русский язык за рубежом. 2024. № 4. С. 41–45.
10. Маслова В.А. Роль русского языка в концептуализации мира: лингвокультурный аспект // Русистика. 2019. № 2. С. 184 – 197.
11. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Формирование и функционирование фразеологизмов с культурно маркированной семантикой в системе русской речи // Фразеология в контексте культуры. М.: Яз. рус. культуры, 1999. С. 63–68.
12. Моклакова А.Ю. Смысловое преобразование фразеологических единиц русского языка с компонентом числительным в системе речи // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 4. С. 162–165.
13. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Фразеология в контексте субкультуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Яз. рус. культуры, 1999. С. 80–85.
14. Молотков А.И. Некоторые особенности употребления фразеологизмов в современном русском языке. Москва: Наука, 1966. 110 с.
15. Прохорова Л.С. Сказка Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес»: особенности перевода прозаического текста, осложненного игрой слов // Русский язык в современном культурном пространстве. Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2000. С. 85–90.
16. Рыбушкина С.В. Трансформация фразеологизмов и способы ее перевода // Русский язык в современном культурном пространстве. Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2000. С. 80–85.
17. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 541 с.
18. Солодова М.А. Текст и метатекст молодежной субкультуры в лингвокультурологическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 22 с.
19. Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford:

- Clarendon Press, 1995. 308 p.
20. Тюменцева Е.В. Прагматические механизмы индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц // Лингвистические парадигмы: Традиция и новации. Волгоград, 2000. С. 289–295.
 21. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высш. шк., 1983. 303 с.
 22. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Спец. лит., 1996. 184 с.

Об авторе:

ЛИ Шуай – аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6); e-mail: 842461862@qq.com

COGNITIVE MECHANISMS OF SEMANTIC TRANSFORMATIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS

Li Shuai

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

This study examines the cognitive mechanisms underlying the semantic transformations of Russian phraseological units in literary and media texts. The findings reveal that the dynamics of these transformations stem from the creative synergy of conceptual operations that emerge through the interaction of cognitive domains. The research identifies several key mechanisms: profiling, which focuses on a partial feature of a phraseological component; conceptual metaphor, manifested through the inversion of the target → source mapping during literalization, activating the sensory experience of the source domain; conceptual metonymy, which ensures a referential shift within a single domain and involves the substitution of components followed by stabilization through a grammatical anchor; and conceptual integration, which underlies double actualization. The study demonstrates that the semantic transformations of phraseological units represent a reconfiguration of conceptual structures rather than a mere surface variation.

Keywords: *semantic transformation, phraseological unit, cognitive mechanisms, profiling, literalization, conceptual metonymy, double actualization, conceptual integration.*

About the author:

LI Shuai – postgraduate student, Pushkin State Russian Language Institute (117485, Academic Volgin Str., 6, Moscow); e-mail: 842461862@qq.com

Статья поступила в редакцию 20.09.25
Подписана в печать 14.10.25

© Ли Шуай, 2025